

Леонид Семенов

Смертная казнь

Леонид Дмитриевич Семенов

Смертная казнь

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371075*

Аннотация

«...Вся жизнь, пока вели их по коридорам, казалось, встала в каждом и пронеслась перед ними в ослепительных ярких образах... И эта страшная напряженная работа фантазии как-то занимала, отвлекала от всего, не будила соблазнов для воли, что можно еще, может быть, что-нибудь сделать для спасения, такое, что от них зависит.

Шли как сомнамбулы...»

Леонид Дмитриевич Семенов

Смертная казнь

Рассказ

...Ничего особенного в этом не было. Все было так же кругом, как всегда. Те же стены, те же решетки на окнах, и день был сияющий, холодный, каких были тысячи на свете. Солдаты в казарме дремали, курили, рассказывали друг другу свои длинные и тягучие сальности и смеялись.

Надзиратели иногда шептались, шагали по темным коридорам тюрьмы и, позвякивая ключами, лениво думали все о том же, о своей службе, о семье.

Политические нервничали, иногда долго и упорно по клеткам, но вдруг вздрагивали и прислушивались к тому, что будет, и опять шагали.

И все было гадко кругом, как вонь, как грязные стены тюрьмы.

Инженер вздохнул и бросился на койку. Он высокий, худой и скуластый мужчина с равнодушными усталыми глазами. Нервы были издерганы. Все тело ныло, и одна мысль не выходила из головы, но как-то лениво тянулась в ней и липла. Все последние дни он все силы свои направлял на то,

чтобы ничего не чувствовать. К смерти он был равнодушен. «Маленькая и необходимая операция», – повторял он часто про себя, затягиваясь махоркой... А потом? – потом ничего. И это было так ясно и просто, что никаких размышлений не требовалось. Но надо было как-нибудь занять и убить свое сознание в эти последние дни, когда все было кончено и делать было нечего. И он читал и курил. Шагал по камере и опять Книги были. Их, несмотря на всю строгость заключения, можно было получать через уголовных от политических из другого корпуса. Одна мысль – кажется, из Михайловского – не давала ему покою. Она преследовала его днем, ночью переходила в кошмар, кошмар переходил в действительность. Представлялось человечество, и было оно как один огромный чудовищный организм. Вот растет куда-то, тянется вдаль, пожирает одни клетки ради других, пожрет и его – и для чего все это? Мысль отрывалась тут, чего-то не знала, и опять текла в голове, плела свои сети уныло, вяло, как соки в жилах растений.

Он ходил и курил. Иногда прислушивался к другим. Мысль о других пугала.

Как встретят они смерть? Пожалуй, разбабятся. И чего тут? Фи! Как это будет гадко и неприятно! – и он отгонял эти мысли.

Другие нервничали больше.

В этот ясный зимний день начальник тюрьмы ходил по двору и распоряжался. Было холодно. Мороз щипал уши. Он поднял воротник. А у него на квартире было тепло, пахло жарившейся индейкой, и этот запах раздражал его, хотелось есть.

– Саваны по два рубля пятьдесят копеек, – докладывал эконо́м, хитрый белобры́сый мужик с деревянным подобострастным лицом перед начальством.

Начальник искоса поглядел на него и вдруг вспылil.

– Это невозможно! Если бы губернское управление ассигновало, тогда так! А мы не можем! Ведь сразу много. Объясни им!

– Да я уж говорил, ваше благородие.

– Да что́ говорил?.. Ну, скажи еще, дурак! – вспылil он опять. Его давно уже злило это деревянное лицо надзирателя, с чуть-чуть насмехающимися под подобострастием голубыми и словно невинными глазами. «Живодер!», подумал он про него. «Ведь вот казнит людей – и хоть бы что! как чурбан! И есть же такие!»

– Ну, поди, скажи им! А то можно и без саванов!

– Слушаюсь!

Но начальник остановил его.

– Нет, не слушаюсь. А вот еще что. Да что еще? Вот что.

Парик нужен и бороду. Это есть в циркуляре. Сбегай хоть к Айзенштейну.

– Слушаюсь.

Надзиратель бежал и скрипел по снегу валенками, а начальник глядел ему вслед и теперь думал о своей проклятой службе.

«И когда же это, наконец, кончится?.. Ведь тут можно с ума сойти совсем. Каждый день все казни, казни! Были бы на нашем месте...» И старая накопленная ненависть на начальство вдруг подымалась в нем и бурлила.

«И все это начальство, начальство! Все оно! Ну что ж? Как хочет! Ему же хуже! А мы тут что? Мы ни при чем! Мы только исполнители, наше дело сторона! А ему же хуже». И это злорадство, что начальству почему-то будет хуже, точно утешало его, и он шел и распоряжался.

* * *

Председатель суда на обеде, устроенном в его честь офицерами Н-ского полка, хохотал и был доволен. Он был полный, краснощекий, с большими усами генерал из семинаристов и говорил на «о». Он искренно считал себя добродушным и хорошим, и хотел показать это теперь и этому фраку – защитнику, помня, как тот почему-то вдруг польстил ему на суде, назвав его раз «светилом науки».

Это было приятно тогда перед прокурором. Прокурор был

старше его чином, написал какое-то сочинение и форсит: «Ни один, говорит, знающий юрист не усомнится тут». – «А мы вот и усомнились, а мы вот и оправдали тогда самого что ни на есть террориста. Хо-хо-хо! Ни один, говорит, знающий юрист... Ему-то на зло и оправдываем-с, когда захотим-с. А захотим-с – и повесим...»

– А симпатичная морда у этого Клеманкина! – обратился он вдруг через стол к присяжному поверенному.

– Это вы о ком, ваше превосходительство? – вставил командир полка, не поняв, в чем дело.

– Да это мы там одного повесили! – объяснил председатель, блеснув своими мелкими глазками, и продолжал, обращаясь к защитнику:

– Ничего, батенька, не поделаешь. Вот!.. Мы и так уж на двух убитых свалили все. Вы заметили? – и чтобы совсем расположить к себе присяжного поверенного, прибавил многозначительно и тихо: – Генерал-губернатор... семерых... предписал... Ну. И пришлось пятерых... того... Царство им небесное!

Он обвел зал глазами, точно ища иконы, и перекрестился на своем толстом, начинавшем потеть под расстегнутым сюртуком, брюшке.

– Ну. За ваши успехи, господин защитник. Нечего грустить. Другой раз...

Офицер-судья, который чуть не расплакался на суде, – так растрогал его тогда адвокат, уверявший, что мальчик-гимназист восемнадцати лет, приговоренный к смерти, осужден невинно, – теперь все бил и бил и сквозь туман в глазах видел кругом все милые и славные лица своих товарищей-офицеров, и все были такие добрые, хорошие, что удивлялся: как могла придти ему тогда на суде такая дикая и глупая мысль: отказаться от всего и выйти в отставку?.. Что бы было теперь? Что бы он сделал сейчас и из-за чего? Ведь не гимназиста бы, так все равно бы кого-нибудь повесили.

Председатель так ясно доказал тогда всем, что пятерых нужно. Не все ли равно тогда – кого? И это было так ясно-убедительно, что он утешался и опять бил и бил.

Адвокат, который давно уже понял, что на суде ни красноречие, ни наука, ни даже чувства ничего не значат, а что все дело только в том, чтобы ладить с судьями и приучить их к себе, чтобы они не боялись защитников и не считали их самих за экспроприаторов, тоже бил теперь – стараясь улыбаться направо и налево офицерам, чтобы показать, что и он – как они, но в душе сквозь туман вина упорно вертелась одна фраза: «Вот она, та среда, которая подготовила Порт-Артур и Цусиму». И ужасаясь ей, мечтал о том, как опишет это когда-нибудь в своих мемуарах...

* * *

В городе была тревога.

Собрание выборщиков в Думу и сам новоизбранный депутат собирали подписи под протестом против казни. В Петербург летела телеграмма. Мать одного из осужденных, гимназиста, высокая полная дама с ввалившимися, застывшими без слез глазами, в каком-то упорном хлопотливом беспокойстве ездила то к депутату, то к губернатору, то к защитнику, то к прокурору... и наводила на всех точно страх. Генерал-губернатор ее не принял; другие успокаивали, что-то неопределенно мямлили, обещали и куда-то торопились все точно прочь от нее. Ее сопровождала дочь, некрасивая маленькая барышня, с тоской и страшной тревогой следившая за матерью, усаживавшая ее заботливо на извозчика и вдруг принимавшаяся шептать: «Мама, мама, успокойся. Я уверена... Валя тут ни при чем, и его помилуют...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.